

Эти дни выдались для князя беспокойными. Он и раньше не отличался покладистым нравом, а в последнее время стал настолько капризен и переменчив, что внушал всем вокруг неподдельный ужас.

Для Ши И самым страшным временем суток стал рассвет. Едва небо начинало сереть, ему приходилось сменять Шэнь Сянчжи и заступать на службу к Се Шигуаню.

Если князь еще спал — это было великое счастье. Можно было, затаив дыхание, нести ночную вахту и молиться, чтобы Его Высочество проспал до полудня.

Но если князь уже бодрствовал, приходилось быть предельно осторожным, превращаясь в невидимую тень, которая существует лишь для того, чтобы по первому знаку исчезнуть или появиться вновь.

В дни утренних аудиенций настроение Се Шигуаня портилось еще сильнее. Вчера один из носильщиков поскользнулся на снегу, и паланкин накренился.

Се Шигуань не проронил ни слова. Выйдя из паланкина, он с размаху ударил носильщика ногой в грудь. Человека отбросило на несколько метров, и он выплюнул сгусток крови, который ярко алел на белом снегу, больно режа глаза.

Жизнь простого носильщика гроша ломаного не стоила — обычный слуга, купленный на рынке за десять серебряных. Но это случилось по пути во дворец, на глазах у множества людей.

Когда носильщика унесли, Ши И пришлось занять его место. Идти по снегу было тяжело, и в такой мороз Ши И взмок от пота.

Даже такой осторожный, как Ши И, на днях умудрился получить от князя пинок. К счастью, прилетело в бедро — больно было до слез, но кости, к счастью, остались целы.

Се Шигуань вздохнул и легко потер переносицу:

— А что там во дворце Цымин?

— Велел приготовить паланкин, — Се Шигуань помолчал, словно раздумывая, — помнится, в начале зимы кто-то из слуг преподнес мне белую оленью шкуру. Она еще осталась?

Какая невидаль!

Пока Ши И витал в облаках, в зал вошел Шэнь Сянчжи и, склонившись, доложил:

— Ваше Высочество, из дворца пришло известие: Святейший всю ночь простоял в галерее, а сегодня утром у него поднялся жар.

Жаль только, что его маленькому племяннику в этом году не везет: мало того что натворил бед, так еще и угодил прямо в руки Се Шигуаня. Се Шигуань всегда с удовольствием наблюдал, как партия вдовствующей императрицы терпит поражение. Чем больше она злилась, тем больше он был доволен.

— Открой только створку, — голос Се Шигуаня стал мягче, — а то задохнется совсем.

На следующий день, когда маленький племянник появился на свет, вдовствующая императрица дала ему детское имя А-Лу.

За эти три-пять дней Ши И чувствовал, как сильно похудел. И дело было не в скудной еде — просто страх перед Се Шигуанем отбивал всякий аппетит.

Шэнь Сянчжи опустил голову:

— Та особа тоже прихворала, говорят, простудилась, так что отправила лишь свою личную служанку осведомиться о здоровье.

Это заставляло Ши И восхищаться Шэнь Цюэ. Подумать только, немой, а прослужил у князя бок о бок более тринадцати лет и при этом сохранил все конечности, а его зад не был превращен в кровавое месиво.

Сказав это, он протянул руку ко лбу императора. Маленький правитель поспешно схватил его за запястье и тихо позвал:

— Дядюшка...

Се Шигуань терпеть не мог приторных запахов, поэтому велел служанкам погасить благовония, а евнухам — открыть окна.

— Спрашивали, говорят, холод пробрал до костей. Выписали лекарство, отвар готов, служанки уговаривают, но Святейший ни в какую не хочет пить.

В покоях горели благовония аньси, внизу дышала жаром печь, наполняя комнату теплым, сладковатым воздухом.

— А лекаря звали?

Маленький император на драконьем ложе по шагам узнал гостя. Он высунул из-под шелкового одеяла покрасневшее от жара личико и обиженно пробормотал:

— Дядюшка, мне холодно.

— Да.

Се Шигуань усмехнулся:

— Тогда велите взять ее. Пусть упакуют и отправят во дворец Цымин, скажите, что это мой подарок вдовствующей императрице.

Час спустя, дворец Фунин.

Шэнь Сянчжи ответил:

— Хранится на складе.

С тех пор как осенью младший сын брата вдовствующей императрицы попал в тюрьму, она слегла. Она всегда любила этого племянника больше, чем собственных детей.

Белый олень считался предвестником счастья. Говорят, накануне рождения второго сына жены брата императрицы, тогда еще императрица-супруга увидела сон: в лесу внезапно появился белый олень, который заговорил человеческим голосом и проявил удивительную разумность.

— Зачем ты стоял на ветру всю ночь?

Маленький император молчал, лишь крепче сжимая его руку.

Се Шигуань высвободил ладонь:

— Опять упрямисься и не пей лекарство.

— Если бы я послушно пил его, — император с неудовольствием посмотрел на него, — стал бы дядюшка навещать меня?

В этот момент евнух Ань, стоя на коленях у ложа, прошептал:

— Ваше Высочество, отвар для Его Величества остыл до нужной температуры.

Се Шигуань взял чашу, зачерпнул ложкой, подул и поднес к губам императора.

Тот послушно открыл рот, пригубил лекарство и тут же нахмурился:

— Горько.

— А кто вчера пол-ночи стоял на ветру? — нарочито строго сказал Се Шигуань. — Я-то думал, Вашему Величеству нравится горечь, раз вы так охотно принимаете это горькое лекарство.

Маленький император невольно улыбнулся:

— Во всем мире только ты один смеешь так подшучивать надо мной.

Улыбнувшись, он немного помедлил, бросил взгляд на Се Шигуаня и нерешительно произнес:

— Дядюшка... матушка болеет уже довольно долго. Скоро конец года, а она все еще не встает, у меня на душе очень тяжело.

Се Шигуань держал чашу с лекарством:

— Ваше Величество хочет сказать, что наши дворцовые лекари ни на что не годны?

Он притворился, что не понял намека, и продолжил подносить ложку к губам императора.

Маленький император отвернулся с печальным видом:

— Мой старший кузен рано ушел из жизни, у дяди теперь остался лишь этот единственный наследник. Второй кузен, конечно, виноват и заслуживает наказания, но...

На самом деле он не испытывал к кузену особой привязанности, просто матушка уже несколько раз заговаривала об этом, да и сам дядя просил перед ним. Он оказался меж двух огней и не знал, как поступить.

— Я понимаю, в каком вы затруднении, — Се Шигуань тихо вздохнул и искренне добавил, — но дело младшего кузена гремит на всю столицу. Три ведомства провели расследование, вынесли приговор по закону. Если мы внезапно изменим решение, не ударит ли это по авторитету императорского дома?

— Все знают, что младший кузен — ваш родственник и племянник вдовствующей императрицы. Если мы проявим милость, поползут слухи, и нас обвинят в предвзятости.

Император снова замолчал, вспоминая слова вдовствующей императрицы: Се Шигуань держит в руках всю власть, состряпать ложное обвинение и погубить чью-то репутацию для него — раз плюнуть.

На самом деле, после просьбы дяди он пытался подослать в тюрьму наемника, чтобы вызволить кузена, но тот даже не смог подойти к воротам темницы.

Словно угадав мысли императора, Се Шигуань внезапно протянул руку, обхватил его лицо ладонями и с искренним участием посоветовал:

— О других и говорить не стоит, но у Маркиза Уаня погибла единственная дочь. Говорят, в день похорон он рыдал над гробом так, что сердце разрывалось. Он так любил дочь, что в день казни непременно будет на площади.

— Ваше Величество, — понизил он голос, — такие трюки с масками из человеческой кожи точно не обманут Маркиза Уаня. Если мы раним сердце старого верного слуги, что тогда делать?

Се Шигуань нежно убрал прядь волос с виска юного императора, его голос звучал ласково, и каждое слово было пропитано заботой.

Юный правитель, услышав это, вспомнил, что Маркиз Уань обладает частью военной власти и был любимцем покойного императора. С ним нельзя было не считаться. Он невольно придвинулся к Се Шигуаню, его глаза покраснели от болезни и слез.

— Что же делать? — жалобно спросил император. — Они все давят на меня, винят в том, что я не хочу спасать родственника.

Се Шигуань, казалось, задумался, а через мгновение, наконец, уступил:

— Хорошо, Ваше Величество. Отменим смертную казнь, сошлем его в простолюдины на три тысячи ли без права возвращения в столицу. Как вам такое?

Он пошел на такую большую уступку, что император, конечно, не мог возразить.

Юный правитель кивнул, но тут же пожалел Се Шигуаня:

— Если мы так внезапно изменим указ, как ты объяснишь это Маркизу Уаню?

— Они и так вечно поносят меня, называя жестоким и своенравным, — равнодушно ответил Се Шигуань. — Одной провинностью больше, одной меньше — какая разница?

Император почувствовал себя еще более виноватым. Он больше не капризничал, послушно выпил лекарство и вскоре крепко уснул.

Когда император заснул, Се Шигуань подошел к столу, заваленному стопками докладов. Отложив красную кисть, он взял синюю и принялся просматривать бумаги одну за другой.

В самом конце он наткнулся на знакомое имя. Доклад, написанный каллиграфическим почерком, был полон брани в его адрес. Автор не только припомнил князю его недавние дела, но и поднял старые архивы, цитируя классиков, чтобы разнести его в пух и прах.

Се Шигуань звонко рассмеялся и поставил синюю резолюцию: Справедливо.

Затем он положил этот доклад сверху, потянулся и, навстречу ветру и снегу, вышел из дворца.

В паланкине по пути в княжескую резиденцию, как обычно, стояли закуски: пирожные, фрукты и кувшин молока с чаем. Се Шигуань отпил глоток, обнаружил, что чай остыл и в нем нет сахара, и выплюнул его обратно.

Следом он откинул занавеску и выплеснул содержимое кувшина прямо на голову Ши И, устроив тому молочную ванну.

Ши И не понял, за что, но возразить не посмел. Даже не осмелился злиться, а наоборот, с улыбкой поблагодарил князя за милость.

— Как там заживают раны у Шэнь Цюэ? — внезапно спросил Се Шигуань.

Ши И тут же ответил:

— Отвечаю Вашему Высочеству, должно быть, уже лучше. Слышал, у него несколько дней держался жар, но он выкарабкался. В последние дни жалоб не слышно.

Се Шигуань холодно усмехнулся:

— Всего пятьдесят плетей, а он так расклеился. Это я слишком хорошо с ним обращался, вот он и стал таким изнеженным.

Ши И украдкой вытер лицо рукавом, вспоминая состояние Шэнь Цюэ в тот день. Человек, который был здоров и крепок, когда его уносили, напоминал сплошной кровавый ком.

К тому же он был нем, не мог кричать от боли, только тяжело дышал.

То, что он вообще выжил и мог сам о себе заботиться, уже говорило о невероятной стойкости. Где же тут изнеженность?

Но их князь никогда не был человеком, с которым можно спорить. Ши И лишь осмелился подумать об этом про себя, а вслух возразить — об этом и речи быть не могло.

Се Шигуань протянул руку, поймал снежинку, которая мгновенно растаяла на его ладони, превратившись в капельку воды.

— По пути загляни в резиденцию Маркиза Уаня, передай, что дело сделано. Пусть маркиз помнит, что он у меня в долгу.

Ши И:

— Слушаюсь.

Снег повалил сильнее, становилось все холоднее.

Се Шигуань опустил занавеску и снова посмотрел на коробку с закусками. Похоже, их купили еще в сумерках, а теперь, ночью, они стали твердыми и холодными.

Когда Шэнь Цюэ прислуживал ему, закуски, которые он подавал, всегда были изысканными: пирожные из лепестков лотоса, нежные сладости, холодное подавалось охлажденным, горячее — теплым. Даже в самые лютые морозы угощения, которые приносил Шэнь Цюэ, казались только что приготовленными.

Тогда Се Шигуань лишь считал его удобным слугой, не более. Но теперь, когда тот лежал раненый в своей комнате, вдалеке от него, князь наконец вспомнил о нем.

Любая из мелочей в быту казалась пустяком, но когда эти мелкие неприятности накапливались, они почему-то начинали дико раздражать.

Все слуги в резиденции вместе взятые не могли сравниться с внимательностью одного Шэнь Цюэ.

Шэнь Цюэ... — вдруг подумал он, — что делает сейчас этот маленький немой?

<http://bllate.org/book/19999/1972157>